

ГОЛОСА МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

УДК 821.161.1.09-3(091)

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ «ЧУЖОГО ПРОСТРАНСТВА» В МОРСКОМ ПУТЕШЕСТВИИ Д. В. ГРИГОРОВИЧА

Г. Р. Агаянц

Тверской государственной университет
кафедра истории и теории литературы

Статья посвящена сборнику путевых записок Д. В. Григоровича «Корабль “Ретвизан”». В повествовании можно выделить значимые и второстепенные города. Описание «чужого пространства» второстепенных городов ограничивается обозначением фрагментарных деталей. Особое место в повествовании занимают Париж и Кадис, образ которых конструируется на нескольких уровнях.

Ключевые слова: *травелог, путевые заметки, Д. В. Григорович, чужое пространство, формы репрезентации.*

В 1858 году Д. В. Григорович отправился в путешествие по Европе в рамках деятельности по морскому министерству на корабле «Ретвизан». Перед отплытием корабль изменил маршрут и вместо кругосветного путешествия, подразумевающего посещение Явы, Китая, Японии и других, отправился по иному маршруту. Заметки включают описание путешествия по Франции, Германии, Дании и Испании, но маршрут был гораздо шире. Григорович собирался написать о пребывании в Афинах, Иерусалиме, Палермо, но как он поясняет в «Воспоминаниях» – «остановился по разным обстоятельствам» [2].

Очерки выходили в основном в «Морском сборнике», также в «Современнике» и журнале «Время» в период с 1859 по 1863, отдельным изданием – в 1873 под заглавием «Корабль “Ретвизан”» с пометкой «Год в Европе и на европейских морях».

В связи с интересом читателей к путевым текстам, в частности, после книги И. А. Гончарова (ставшей в своем роде образцовой), участие литератора в морском плавании уже не считалось чем-то удивительным. Имя Гончарова звучит в воспоминаниях Григоровича: «Поручение состояло в том, чтобы спросить меня, не соглашусь ли я, по примеру Гончарова, сделать кругосветное плавание, с тем чтобы описание путешествия помещалось в “Морском сборнике”» [Там же].

В этот период путевые тексты адресуются все более широкой аудитории. Зачастую травелоги могли вбирать в себя как реальные описания и художественный вымысел, так и мифологемы и исторические события, также содержали различные коммуникативные модели.

Опыт описания путешествия для Григоровича был новым, а предложение – неожиданным. Положительное решение было связано с возможностью «объехать свет, увидеть незнакомые страны, куда давно влекло воображение, испытать ряд новых впечатлений – все это было слишком соблазнительно, чтобы не воспользоваться таким случаем» [Там же]. Стиль описания путешествия и расстановка ак-

центров напрямую связаны с мотивом и целью путешествия. В данном случае путешественник повествует о членах команды, о немногочисленных приключениях на воде, некоторые детали из жизни тех, с кем познакомился на корабле, и собственно об укладе и быте городов, которые удаётся посетить.

В повествовании можно выделить города значимые и второстепенные для путешественника. Описание второстепенных укладывается в рамки объективного повествования. Они упоминаются вскользь, в основном подмечается какая-то деталь или особенность. К городам значимым следует отнести Париж и Кадис.

Освоение «чужого пространства» в литературе путешествий может включать самые различные формы репрезентации. Для Григоровича таким инструментом является уподобление неизвестного знакомому, что является вполне закономерным явлением для литературы путешествий. А. Эткинд в «Толковании путешествий» утверждает: «Другое уподобляется своему, новое старому, неизвестное известному. Реальность бывает так отлична, что не влезает в рамки восприятия» [4, с. 14].

Универсальным мериллом для описаний Д. В. Григоровича оказывается Петербург. Устройство многих городов и их особенности передаются именно в сравнении со знакомым Петербургом. В основном такой прием используется в отношении городов, которые относятся к второстепенным. В большинстве случаев выделяются архитектурные сооружения, способы передвижения или какие-то детали города. Так, станция в Киле «приводит на память Петербург и его станцию петергофской железной дороги» [1, с. 232], именно в сравнении она оказывается «лучше станции петергофской» [Там же, с. 233]. В Севилье примечательным оказывается «фургон, напоминавший наружной своей формой старые омнибусы, сравившие когда-то Невский проспект, был по внутреннему своему устройству еще неудобнее последних» [Там же, с. 427]. Сад Тиволи в Копенгагене – «то же, что минеральные воды в Петербурге», хотя «по меньшей мере, в десять раз больше сада минеральных вод» [Там же, с. 261].

Совсем иначе строится повествование о городах значимых – Париже и Кадисе. Конструирование образа города строится на описаниях как открытых и закрытых пространств, духовно-культурной сферы, литературных произведений и памятников искусств и социальных и религиозных идей. Восприятие города происходит на нескольких уровнях.

Первое упоминание Парижа возникает в диалоге с собеседником, который настоятельно рекомендует отправиться в путешествие: «Главное то, что корабль зайдет поочередно во все порты Европы; из Кронштадта он отправится в Копенгаген, оттуда в Шербург (заметьте: рукой только подать до Парижа!)» [Там же, с. 150]. Восклицательный знак после упоминания Парижа – указание на что-то значимое и даже грандиозное. Можно истолковать это в нескольких смыслах: либо это связано с восприятием Парижа в России, мифом о Париже, мифе о городе, где царит праздник. Либо такая постановка знака связана с индивидуальным авторским восприятием.

Незадолго по путешествия Григорович познакомился с Александром Дюма. Дюма-старший побывал в июне 1858 года в Петербурге, Дюма особенно сблизился с Григоровичем, который стал «его постоянным гидом <...> и подробно знакомил его со всеми вопросами, связанными с русской литературой и русскими писателями» [3, с. 35].

Эта встреча повлияла и на формирование самого благоприятного мнения о Париже. Более того, Григорович обучался французскому с ранних лет и знал его до определенного момента чуть ли не лучше русского. Множественные упоминания о Париже свидетельствуют о том, что город является для автора чем-то большим,

нежели остальные города: «Прежде еще, чем думал я когда-нибудь быть в Париже, я знал его, как свои пять пальцев, знал лучше даже Петербурга» [1, с. 308]. В данном аспекте проявляется принципиальное отличие от восприятия Кадиса, который тоже является значимым пространством. Мнение о Париже сформировалось до его посещения, поэтому при столкновении с действительностью путешественник разочаровывается. Отношение к городу меняется в противоположную сторону после его посещения, но Париж по-прежнему остается значимым для путешественника: «Я въезжал в Париж с самым веселым, певучим настроением духа, уезжал я из него, ощущая в душе недовольное, разочарованное чувство. Тем не менее, при расставании, когда город начал постепенно исчезать и теряться в вечернем тумане, – я дал себе слово непременно туда вернуться при первом удобном случае» [Там же, с. 351].

Говоря о нескольких уровнях восприятия города, стоит отметить контраст между Парижем в представлениях путешественника и действительным, характеризующимся низкими нравами. Впечатления о городе соответствуют пафосу последующего описания французов, по словам путешественника: «Характер французов решительно ставит в тупик; не знаешь, чему больше удивляться, силе или слабости. <...> или мелочности, соединенной со страшной непоследовательностью и легкомыслием; нравственная эта мозаика отражается во всем: в истории народа и самой его жизни. <...> у французов великая эта мысль часто оканчивается ничем, пшиком» [Там же, с. 314]. Париж неоднороден и насыщен, потому – необъятен: «Париж тем хорош для праздного человека, что последний может составить себе программу увеселений не только на день, но вперед на целую неделю.» [Там же, с. 316]. Он одушевлен, но не в традиционном понимании, связанным с олицетворением. Человеку оказывается сложно устоять перед атмосферой постоянного праздника, царящего в Париже. Чрезмерная роскошь затмевает все естественное и чистое: «Так уж следует, видно, что в Париже везде должна господствовать внешность! В церкви Богоматери, точно так же, как и в Лувре <...> наружный вид обещает больше, чем дает внутренность. Церковь, под руками тупоумных распорядителей и реставраторов, совершенно утратила поэтический колорит древности; впечатление такое, как будто рассматриваешь древнюю Библию, пергаментные листы которой покрыли мелом – для чистоты – и расписывали почерком современной каллиграфии.» [Там же, с. 327].

Город поглощает людей и подавляет их: «Во всем городе не существует ничего, что бы успокаивало дух и давало уму простого человека трезвое, здоровое настроение» [Там же, с. 316]. Автор упоминает о множестве русских, которые быстро свыкаются образом жизни в Париже: начинают картавить уже через пару месяцев, и не могут обойтись и дня без сахарной воды по утрам.

Другая особенность описания города – характер и нравы парижан. Одна из ключевых деталей, занижающая образ города и отталкивающая путешественника. Автор обращается к нравам в попытках «сказать что-нибудь новое. <...> Париж особенно такой город, что каждый прожитой в нем день может дать материалу на целый том в нравоописательном роде.» [Там же, с. 328]. По той же причине автор ограничивается несколькими словами об архитектурных сооружениях других достопримечательностях города.

Еще один аспект восприятия – Париж литературный. Во-первых, как и для многих авторов путешествий, «чужое пространство» для Д. В. Григоровича – прецедентные имена и тексты. Описание Парижа связано не только с Александром Дюма и Дюма-сыном. Путешественнику при виде Собора Парижской Богоматери вспоминается В. Гюго, возникают живые образы Эсмеральды, Квазимодо, Клода Фролло. В

целом в тексте цитаты работают на нескольких уровнях – буквальное воспроизведение в тексте (например, автор ссылается на тексты Гейне в описании Гамбурга), которое встречается реже, и воспроизведение коллизий и мнений писателей, которые являются ключевыми для литературного истолкования той или иной страны.

Дом Дюма, где остановился Григорович становится некой метафорой Парижа: «На всем следы роскоши, страшной неряшливости, и всюду великолепные затеи, остановленные при самом начале. <...> Дюма устроил маленький зимний сад: зеленый трельяж на стенах, вьющийся плющ, тропические растения и посреди них бронзовая статуя Аполлона – все это очень мило; но пол сгнил и во многих местах обвалился. <...> Дюма отделал этот дом для какого-то праздника; с тех пор он больше о нем не заботится...» [Там же, с. 310–311].

Во-вторых, это ряд писателей, с которыми Д.В. Григорович знакомится благодаря Дюма-сыну; он не называет имен – это сплошная череда инициалов: «Отчего не прибегнуть бы вам к защите Г. или Д.? (Я назвал двух фельетонистов, сидящих на плечах редактора той *revue*, где работал Б.)» [Там же, с. 331]; «Вас желает видеть месье В.П.» [Там же, с. 332] и т. д. В большинстве случаев путешественник представляет их весьма талантливыми литераторами и писателями, однако несчастными, готовыми вырваться из Парижа. Такая обезличенность персонажей, объединенных схожими бедами подчеркивает ничтожность человеческой природы, не выносящей могущества Парижа.

Разочарованный Парижем, Д.В. Григорович отправляется в Кадис, который вызывает абсолютно противоположные эмоции. Кадис предстает замечательным местом: «<...> это был Кадис! Сильнее билось сердце при одной мысли, что еще несколько часов – и будем гулять по его улицам» [Там же, с. 357]. Вполне условно, но можно говорить о бегстве из Парижа, после которого познание нового пространства формирует противоположное мнение: «Не помню, чтобы когда-нибудь так нетерпеливо рвался я к берегу.» [Там же]. Здесь на первый план выходит ландшафт города и как и нравы в Кадисе, высоко оценивается автором: «Не знаю, новизна ли впечатлений тому способствовала, но вообще, сколько ни припоминаю городов, виденных потом в Европе и на Востоке, – ни один до сих пор не кажется мне красивее Кадикса!» [Там же, с. 359]. На фоне разочарования в Париже Кадис возвышается.

Особое место в повествовании занимают, дамы, которые поражают одновременно красотой и нравственностью: «Здесь, впрочем, все дамы, все донны – без различия званий и состояний» [Там же, с. 363]; «Нигде ничего не видал подобного женщинам Кадиса» [Там же, с. 373].

Однако в Париже есть что-то мистическое и притягательное для путешественника: «...нет человеческой возможности исчерпать Париж до дна и разом показать его со всех сторон, так, чтобы в одно и то же время бросились в глаза лицевая сторона и изнанка» [Там же, с. 350]. Несмотря на непонятное автору состояние нравов и недоступное пониманию состояние праздника, Париж кажется не таким, как прочие города, а особым пространством, так и оставшимся «чужим».

Список литературы

1. Григорович Д.В. Корабль «Ретвизан» // Григорович Д.В. Литературные воспоминания. Корабль «Ретвизан». Из записной книжки. М.: Захаров, 2007. 560 с.
2. Григорович Д.В. Литературные воспоминания. М.: Худож. лит., 1987. [Электронный ресурс] // Lib.ru/Классика. URL: http://az.lib.ru/g/grigorowich_d_w/text_0140.shtml. (Дата обращения: 23.08. 2017.)

3. Коган Э.Р. Александр Дюма на Ладожском озере // Встречи с прошлым. Сборник неопубликованных материалов ЦГАЛИ СССР. Вып. 2. М.: Сов. Россия, 1974. 397 с.
4. Эткинд А.М. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое лит. обозрение, 2001. 496 с.

**PECULIARITIES OF PERCEPTION OF THE “ALIEN SPACE”
IN SEA VOYAGE OF D.V. GRIGOROVICH**

G. R. Atayants

Tver State University
the Department of History and Theory of Literature

The article is devoted to Grigorovich’s travel notes “Ship Retvizan”. In the description, it is possible to identify significant and secondary cities. The description of the “alien space” of secondary cities is limited to the designation of fragmentary details. A special place in the narrative is occupied by Paris and Cadiz, whose image is constructed on several levels.

Keywords: *travelogue, travel notes D. V. Grigorovich, alien space, forms of representation.*

Об авторе:

АТАЯНЦ Гаяне Рафаеловна – аспирант кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: gayka7713@mail.ru.

About the author:

ATAYANTS Gayane Rafaelovna – Postgraduate Student at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str. 33), e-mail: gayka7713@mail.ru.